
ПРОСТРАНСТВО ДИСКУРСА: МИГРАЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

УДК 397+314.7(571.54):903.5

ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИЙ НА ФОРМИРОВАНИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО СОСТАВА ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ

Бураев Алексей Игнатьевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (г. Улан-Удэ, Россия)¹, e-mail: buraev1961@mail.ru

Дикий Ярослав Витальевич

Кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, (г. Улан-Удэ, Россия)², e-mail: yaroslavdikii@gmail.com

***Аннотация.** В статье рассматриваются миграции древних народов по территории современной Бурятии и Прибайкалья с V в. до н.э. до примерно II в. н.э. На основании археологических и антропологических материалов, а также данных письменных источников анализируются процессы формирования этногенетического состава древнего населения региона. Как установлено, в эпоху неолита происходило движение в сторону озера Байкал групп смешанного европеоидно-монголоидного населения с Запада и монголоидных популяций с Востока, из Забайкалья и Монго-*

¹ © Бураев А.И., 2023

² © Дикий Я.В., 2023

лии. В эпоху бронзы и раннего железа отмечен мощный миграционный поток из Западной Монголии и Алтая европеоидного населения, носителей культуры курганов-херексуров, на территорию Северной Монголии и Забайкалья, на которой проживало монголоидное население культуры плиточных могил. На последующем историческом этапе в регионе активно взаимодействуют племена хунну и сяньби. Хунну имели смешанный монголоидно-европеоидный антропологический состав, при значительном преобладании монголоидов. Сяньби являлись типичными представителями сибирских монголоидов. В результате на территории Байкальской Сибири происходили интенсивные метисационные процессы, которые привели к формированию средневековых тюркских и монгольских племен, а в дальнейшем и современных народов региона.

Ключевые слова: Бурятия; миграции; неолит; культура плиточных могил; курганы-херексуры; хунну; сяньби.

Для цитирования: Бураев А.И., Дикий Я.В. Влияние миграций на формирование антропологического состава древнего населения Бурятии // Социальные новации и социальные науки. – 2023. – № 1. – С. 11–19.

URL: <https://sns-journal.ru/ru/archive/>

DOI: 10.31249/snsn/2023.01.01

Рукопись поступила 05.02.2023

Принята к печати 03.03.2023

Введение

Природно-климатические условия территории Бурятии и соседствующей с ней Монголии, с обширными степными пространствами и многочисленными водными артериями, способствовали развитию кочевого скотоводства. Как известно, годовой хозяйственный цикл определяет высокую территориальную подвижность кочевников, или номадов. Соответственно, логично предположить существенную подвижность автохтонного (коренного) населения в пространстве этнической Бурятии¹ и Монголии. Кроме того, эта территория лежала на путях распространения монголоидной и европеоидной человеческих рас. На протяжении многих веков рассматриваемое пространство являлось пограничным для европеоидных и монголоидных популяций. Трудно не считать значительной роль миграций в формировании населения региона [Тумэн, 2015].

Первые миграции фиксируются на территории Прибайкалья еще в эпоху неолита². Археологами выявлены соседствующие и сменяющие друг друга китойская (середина VI – середина V тыс. до н.э.), серовская (V – середина III тыс. до н.э.) и исаковская (конец IV тыс. до н.э.) культуры, определены их хронология и локализация. Накопленные краниологические³ и остеологические⁴ материалы способствовали возникновению дискуссии об антропологических особенностях неолитического населения региона. Суть научного спора состояла в обсуждении факта ослабления монголоидного комплекса признаков у жителей Прибайкалья (включая территорию современной Бурятии) по сравнению с другими древними монголоидными группами населения севера Центральной Азии [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987 ; Бураев, 2010]. Другими вопросами, вызывающими не менее жаркие дискуссии, является происхождение и перемещения гуннов – одного из наиболее известных и, одновременно, таинственных для европейской науки народов, следы которого находят на территории Прибайкалья. В настоящей статье рассматриваются возможные ответы на эти вопросы.

Дискуссия об особенностях антропологического облика населения Прибайкалья

Начало дискуссии связано с исследованиями советского антрополога Г.Ф. Дебеца (1905–1969). В своих ранних работах он указывал на наличие европеоидной примеси у населения При-

¹ Историческая область (Баргуджин-Токум) в водосборе озера Байкал, в которую входят современные Республика Бурятия, южная и центральная части Иркутской области, восточная присаянская часть Красноярского края и Забайкальский край России. – *Прим. ред.*

² Неолитический период истории Сибири датируется VI–II тыс. до н.э., Бронзовый век Сибири – III–I тыс. до н.э., эпоха раннего железа в регионе приходится на IX в. до н.э. – IV в. н.э.

³ Характеристики найденных черепов людей и животных. – *Прим. ред.*

⁴ Данные измерений найденных скелетов, отдельных костей и костной ткани. – *Прим. ред.*

байкаля [Дебец, 1930 ; Дебец, 1948]. Позднее им было высказано предположение о протоморфном¹ антропологическом типе у неолитических племен, характеризующемся сочетанием монголоидных и европеоидных особенностей [Бураев, 2010]. Решение возникшего противоречия Г.Ф. Дебец связал с большей выраженностью монголоидного комплекса признаков к востоку и северо-востоку от Прибайкалья.

На протоморфности неолитического населения региона настаивали М.М. Герасимов [Герасимов, 1955, с. 421, 427, 431–435], Ю.Г. Рычков [Рычков, 1969], А.А. Мовсесян [Мовсесян, 1973], Н.Н. Мамонова [Мамонова, 1983]. В свою очередь, против гипотезы о протоморфности и недифференцированности неолитического населения Прибайкалья выступил М.Г. Левин [Левин, 1958, с. 157–163]. Им были проанализированы все известные черепа эпохи неолита с территорий, лежащих к востоку и северо-востоку от озера Байкал, и сделано заключение об их несомненной монголоидности.

Мнение М.Г. Левина поддержали И.И. Гохман [Гохман 1977, с. 159 ; Гохман, 1980, с. 20], В.П. Алексеев [Алексеев, Гохман, 1984, с. 32–33], О.Б. Трубникова [Алексеев, Трубникова, 1984, с. 70]. Более отчетливо авторы высказались в совместной работе с Д. Тумэн: «все имеющиеся в настоящее время материалы с территории Сибири... не совместимы с представлениями о нейтральном, недифференцированном антропологическом типе, получившем наименование палеосибирского» [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987, с. 226].

Действительно, известные к тому времени краниологические материалы характеризуются усилением европеоидного комплекса признаков в западном направлении, а монголоидного – в восточном. Таким образом, при монголоидности населения к востоку и северо-востоку можно констатировать смешанный (европеоидно-монголоидный) состав или метисированный облик неолитического населения Прибайкалья [Бураев, 2010]. Иначе «трудно представить себе, чтобы недифференцированная популяция случайно заняла промежуточное положение между соседними [с ней] по тем признакам, по которым между ними выявляются определенные различия» [Алексеев, Гохман, 1984, с. 33].

На территории Прибайкалья просматриваются два миграционных потока: с востока (монголоиды) и с запада (европеоиды). По всей вероятности, данный регион являлся крайней восточной зоной взаимодействия представителей двух больших рас. Популяции с долей европеоидной примеси достигали озера Байкал и здесь, по всей видимости, сталкивались с встречным движением монголоидных групп Забайкалья и Монголии [Бураев, 2015].

¹ То есть примитивном, или архаическом, относящимся к черте или комбинации черт, характерных для древней формы. – *Прим. ред.*

Представляется, что метисация монголоидных и европеоидных (скорее всего это были уже смешанные группы) популяций оказала определяющее влияние на формирование особенностей как отдельных групп, так и всего населения байкальского региона. Очевидна также существенная роль миграционных процессов в формировании населения циркумбайкалья уже в эпоху неолита [Бураев, 2015].

Этнокультурная история древнего населения Бурятии

Переход человечества к энеолиту¹ и раннему бронзовому веку не представляет собой резкой границы в антропологическом отношении [История Бурятии, 2011 ; Бураев, 2015]. В бронзовом² и раннем железном³ веках на территории Байкальской Сибири⁴ и Монголии проживало население, создавшее памятники культуры плиточных могил, и племена, оставившие после себя курганы-херексуры, – и этих людей считают первыми номадами региона. Археологи стремятся установить хронологические и территориальные рамки данных культур, изучение которых началось еще в XVIII в. Однако до сих пор существуют спорные вопросы, касающиеся их происхождения, развития и дальнейшей судьбы.

В.Е. Ларичев связывает происхождение культуры плиточных могил с культурой каменных ящиков бронзового века Дунбэя (области на северо-востоке Китая) [Ларичев, 1959]. К генетически близким к «плиточникам» популяциям относят население культуры верхнего слоя Сяцзядянь в северо-восточном Китае. Обе культуры связывают с племенным объединением дунху⁵, считающихся предками монгольских племен [Комиссаров 1988, с. 87–89].

По антропологической характеристике население, оставившее культуру плиточных могил, относится к североазиатским монголоидам, сближаясь по основным параметрам с байкальским типом (малой расой) [Гохман, 1980], а происхождение «плиточников» связывают с неолитическим населением Забайкалья [Алексеев, Гохман, 1984, с. 69]. Участие «плиточников» в генезисе средневековых монголов подтверждает, основываясь на китайских письменных источниках, В.С. Таскин, настаивая на генетических связях между дунху и монголами [Таскин, 1984, с. 39–62].

История культуры плиточных могил (дунху) складывалась драматично. С VI в. до н.э. на территорию этнической Бурятии начинают с юга вторгаться племена хунну⁶. Сначала это были просто набеги. Затем, когда давление племенного объединения хунну усилилось, дунху были вы-

¹ Медно-каменный век, охватывает период IV–III тысячелетия до н.э. – *Прим. ред.*

² Ориентировочно III тысячелетие до н.э. – 600 лет до н.э. – *Прим. ред.*

³ Примерно 1200–700 лет до н.э. – *Прим. ред.*

⁴ Ботанико-географическое понятие, включающее в себя Предбайкалье и Забайкалье. В административном отношении к Байкальской Сибири традиционно относят территории, находящиеся в пределах водосборного бассейна озера Байкал, в том числе Иркутскую область, Республику Бурятия и Забайкальский край. – *Прим. ред.*

⁵ Возник около 1100 г. до н.э. и исчез около 150 г. до н.э., после разгрома племенами хунну. – *Прим. ред.*

⁶ Древние кочевые племена, изначально, предположительно, жившие на южной окраине пустыни Гоби. – *Прим. ред.*

нуждены либо подчиниться, либо мигрировать на окраины своих кочевий. К III–II вв. до н.э. часть племен дунху попали под власть хуннского союза, а часть отступила на север и северо-восток, в Приольхонье и Приаргунье [Харинский, Зайцев, Свинин, 1995].

В бронзовом веке в рассматриваемом регионе появляются курганы-херексуры. Большинство изучавших эти памятники археологов считает, что данный тип погребений одинаков (однокультурен) по всей территории распространения – Монголии и Южной Сибири (Алтай, Тува, Забайкалье).

В антропологическом отношении население, оставившее эту культуру, изучено более слабо, чем в археологическом плане. Однако можно видеть, что большинство погребенных – европеоидны, хотя в захоронениях иногда встречаются метисированные, с монголоидами чертами черепа [Алексеев, Гохман, Тумэн, 1987, с. 231].

При констатации принадлежности населения, оставившего херексуры, в основном к европеоидам, необходимо признать существование значительного миграционного потока с запада на восток в этот период. Как известно, курганы-херексуры встречаются даже в Центральной Монголии. Несомненно, отмеченное движение привело к встрече с монголоидами, в данном случае – с населением культуры плиточных могил.

Выявленные отдельные факты метисации легко объясняются длительным проживанием на одной территории представителей двух разных культур, этносов и рас. Кроме того, в основе экономики обоих племенных объединений лежало кочевое скотоводство, что также способствовало сближению двух популяций. Таким образом, при европеоидной принадлежности носителей культуры херексуров и безусловной монголоидности «плиточников» налицо процесс метисации, который сыграл свою, пускай и не столь значительную, роль в формировании населения региона.

Роль племен хунну и сяньби в этногенезе населения Прибайкалья

Последующий ход исторического процесса привел к беспрецедентному росту миграционной составляющей в формировании антропологического состава населения рассматриваемого региона. Отмеченная ситуация связана со взаимоотношениями племен сяньби и хунну.

Хунну, или гунны – наиболее известные номады в мировой истории, что связано с их влиянием на европейскую историю. Заметим, что историческое изучение большей части ойкумены в XVIII–XIX вв. характеризовалось ярко выраженным европоцентризмом. Ученые достаточно четко определили хронологические и территориальные рамки существования этой яркой культуры, наиболее признанными считаются следующие: 220 г. до н.э. – II в. н.э., степи к северу от Китая. Тем не менее не все вопросы генезиса хунну (гуннов) нашли свое окончательное и бесспорное решение. Одним из них является определение непосредственных предков хунну.

Например, Тянь Гуаньцин и С.С. Миняев предполагают, что ими являлись носители культуры «ордосских бронз» (плато Ордос в Северном Китае, на границе пустыни Гоби) [Тянь Гу-

аньцинь, 1983 ; Миняев, 1979]. С другой стороны, С.А. Комиссаров полагает, что предками хунну были носители культуры верхнего слоя Сяцзядянь [Комиссаров, 1988]. Однако, как было отмечено выше, именно эти памятники ряд специалистов связывают с культурой плиточных могил. Авторы настоящей статьи склоняются к точке зрения П.Б. Коновалова, выдвинувшего положение о смешанном характере хунусской культуры, признавая в качестве вероятных предков хунну как культуру ордосских бронз, так и культуру верхнего слоя Сяцзядянь [Коновалов, 1999, с. 61–62].

Палеоантропологические данные указывают на монголоидно-европеоидный состав хуннского населения, при преобладании монголоидной составляющей. Естественно, первым предположением была преемственность европеоидной примеси у хунну с наличием таковой у неолитических племен Прибайкалья. Но, по нашему мнению, происхождение монголоидного и европеоидного компонентов у населения Байкальской Сибири относится непосредственно к хуннскому времени.

Главными антагонистами хунну на протяжении довольно продолжительного периода являлись племена сяньби¹. На территории Приаргунья, согласно археологическим данным, обнаружены сяньбийские погребальные памятники времени хуннской гегемонии. О миграции предков монголов на восточную окраину их ойкумены сообщают как китайские летописи, так и монгольская устная традиция. Именно на такое развитие событий в монгольской истории указывал В.С. Таскин [Таскин, 1984, с. 56].

Изученные сяньбийские черепа из Восточного Забайкалья и другие краниологические материалы характеризуются ярко выраженным монголоидным сочетанием признаков, что служит доказательством происхождения сяньби от населения культуры плиточных могил. В свою очередь, эти данные подтверждают гипотезу о том, что монголы эпохи средневековья – эпохи Чингисхана – происходят от сяньбийцев Приаргунья.

Заключение

Кочевой образ жизни древнего населения Бурятии и Монголии способствовал интенсификации миграционных процессов на этих территориях. Письменные источники сообщают об интеграции кочевых племен в более крупные и сильные в военно-политическом отношении образования [Таскин, 1984, с. 45, 297–298].

Кочевые племена, народности, политические образования включали в себя (в период их гегемонии) население разной этнической и даже расовой принадлежности. В степях Центральной Азии не существовало жестко выраженной ксенофобии, и в период хунно-сяньбийского взаимодействия различной направленности (от воинствующего антагонизма до мирного сосуществова-

¹ Племена кочевников, которые выделились из союза дунху в III в. до н.э. и жили на территории Внутренней Монголии. В 155 г. разгромили хуннов, что привело к расколу хуннского этноса на четыре ветви, одна из которых дошла до Европы. – *Прим. ред.*

ния) происходило сглаживание межэтнических и межплеменных противоречий. Переход под власть господствующего в степях объединения, включая смену племенного и этнического самоопределения, не являлся чем-то из ряда вон выходящим. Активные миграции кочевых племен Бурятии и Центральной Азии в целом привели к метисации автохтонного населения региона.

Череп с европеоидными чертами обнаруживаются в захоронениях Прибайкалья и в эпоху Средневековья. Однако их количество крайне невелико в соотношении с общим числом средневековых краниологических материалов. Тем не менее, по всей видимости, процесс метисации населения региона продолжался и в этот период, вплоть до беспрецедентной экспансии монгольских племен под предводительством Чингисхана.

Необходимо отметить интенсивность миграционных процессов на территории этнической Бурятии во все исторические периоды. Схематично их можно обозначить как взаимовлияние монголоидов и европеоидов, представленных в разные эпохи в различном соотношении. В дальнейшем процесс метисации привел к формированию средневековых монгольских и тюркских кочевников, а в последствии и современных народов Байкальской Сибири и Монголии. Данные, полученные в советский период, и новые открытия свидетельствуют о том, что миграции несомненно являются определяющим фактором этногенеза в регионе.

Список литературы

1. Алексеев В.П., Гохман И.И. Антропология азиатской части СССР. – Москва : Наука, 1984. – 208 с.
2. Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии (каменный век – эпоха раннего железа) / Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск : Наука, 1987. – С. 208–241.
3. Алексеев В.П., Трубникова О.Б. Некоторые проблемы таксономии и генеалогии азиатских монголоидов (краниометрия). – Новосибирск : Наука, 1984. – 129 с.
4. Бураев А.И. Этнокультурная идентификация неолитического населения Циркумбайкалья (современное состояние проблемы) // Российская археология. – 2010. – № 3. – С. 13–21.
5. Бураев А.И. Номады Центральной Азии (этногенетический аспект) // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 8–1. – С. 129–138.
6. Герасимов М.М. Восстановление лица по черепу (современный и ископаемый человек). – Москва, 1955. – 585 с.
7. Гохман И.И. Антропологическое изучение Забайкалья в Троицко-Кяхтинском отделении Русского географического общества // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Ленинград : Наука, 1977. – Вып. 7. – С. 158–164.
8. Гохман И.И. Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР. – Ленинград : Наука, 1980. – Т. 36. – С. 5–34.
9. Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения Прибайкалья в эпоху позднего неолита // Русский антропологический журнал. – 1930. – Т. 19, вып. 1/2. – С. 7–50.
10. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1948. – 392 с.
11. История Бурятии : в 3-х т. – Т. 1 : Древность и средневековье. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. – 336 с.
12. Комиссаров С.А. Комплекс вооружения древнего Китая: эпоха поздней бронзы. – Новосибирск : Наука, 1988. – 120 с.
13. Коновалов П.Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 214 с.
14. Ларичев В.Е. О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья // Археологический сборник. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1959. – Вып. 1. – С. 63–73.
15. Левин М.Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. – Москва : Изд-во АН СССР, 1958. – 359 с.
16. Мамонова Н.Н. К вопросу о межгрупповых различиях в неолите Прибайкалья // Вестник антропологии. – 1983. – Вып. 71. – С. 88–103.

17. Миняев С.С. Культуры скифского времени Центральной Азии и сложение племенного союза сюнну / Тез. докл. Всесоюз. археологической конф. «Проблемы скифо-сибирского культурно-исторического единства». – Кемерово, 1979. – С. 74–76.
18. Мовсесян А.А. Некоторые аспекты популяционной генетики современного и древнего населения Сибири // Вопросы антропологии. – 1973. – Вып. 45. – С. 72–82.
19. Рычков Ю.Г. Некоторые популяционно-генетические подходы к антропологии Сибири // Вопросы антропологии. – 1969. – Вып. 33. – С. 16–33.
20. Таскин В.С. Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. – Москва : Наука, 1984. – 486 с.
21. Тянь Гуаньцзинь. Археология сюнну в районе Внутренняя Монголия за последние годы // Каогу сюэбао. – 1983. – № 1. – С. 7–24.
22. Харинский А.В., Зайцев М.А., Свинин В.В. Плиточные могилы Приольхонья / Культуры и памятники бронзового и раннего железного веков Забайкалья и Монголии. – Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1995. – С. 64–78.
23. Tumen D. Populations migration during prehistoric period in Inner Asia // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – Хух-Хот, 2015. – Ч. 1. – С. 141–154.

INFLUENCE OF MIGRATION ON THE FORMATION OF THE ANTHROPOLOGICAL COMPOSITION OF THE ANCIENT POPULATION OF BURYATIA

Alexey Buraev

PhD (Histor. Sci.), Researcher, Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: buraev1961@mail.ru

Yaroslav Dikiy

PhD (Histor. Sci.), Researcher, Institute of Mongolian Studies, Buddhism and Tibetology SB RAS
(Ulan-Ude, Russia), e-mail: yaroslavdikii@gmail.ru

Abstract. *The paper deals with the migrations of ancient peoples across the territory of modern Buryatia and the Baikal region from the V century BC to about the II century AD. Based on archaeological and anthropological materials, as well as written sources, the processes of formation of the ethnogenetic composition of the ancient population of the region are analyzed. It has been established that in the Neolithic era there was a movement towards Lake Baikal of groups of mixed Caucasoid-Mongoloid population from the West and Mongoloid populations from the East, from Transbaikalia and Mongolia. In the Bronze Age and Early Iron Age, a powerful migration flow from Western Mongolia and Altai of the Caucasoid population, carriers of the culture of the Khereksurs barrows, to the territory of Northern Mongolia and Transbaikalia, where the Mongoloid population of the slab-grave culture lived, was noted. At the subsequent historical stage, the Xiongnu and Xianbi tribes actively interact in the region. The Xiongnu had a mixed Mongoloid-Caucasoid anthropological composition, with a significant predominance of Mongoloids. The Xianbis were typical representatives of the Siberian Mongoloids. As a result, intensive metizational processes took place on the territory of Baikal Siberia, which led to the formation of medieval Turkic and Mongolian tribes, and later, modern peoples of the region.*

Keywords: *Buryatia; migration; Neolithic; Slab-grave culture; Khereksurs barrows culture; Xiongnu; Xianbei.*

For citation: Buraev A.I., Dikiy Ya.V. The influence of migrations on the formation of the anthropological composition of the ancient population of Buryatia // Social Novelties and Social Sciences. – 2023. – No 1. – P. 11–19.